

**«И в гроб сходя...»:
о встрече Достоевского с Мережковским в 1880 г.**

О. А. Богданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,

Российская академия наук

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые в науке о Ф. М. Достоевском проанализированы детали и обстоятельства визита отца и сына Мережковских на петербургскую квартиру великого писателя в Кузнечном переулке, состоявшегося в конце 1880 г. Свидетельство самого Достоевского об этом событии отсутствует. Рассмотрены и сопоставлены все известные на сегодняшний день источники: «вторичные мемуары» Н. С. Лескова (1888), воспоминания В. Микулич (Л. И. Веселитской) (1899) и «Автобиографическая заметка» Д. С. Мережковского (1913). Обрисован биографический и историко-литературный контекст этого события, уточнена его дата, сделан вывод о том, что фрагмент из «Автобиографической заметки» Мережковского, посвященный встрече с Достоевским в 1880 г., содержит яркий, емкий, запоминающийся образ великого писателя и религиозного пророка, но воспринимать его как мемуарное свидетельство нужно с осторожностью: во-первых, из-за «оправдательного» полемического посыла по отношению к интерпретациям Лескова и Микулич, во-вторых, из-за включенности в общую стратегию житнетворческого «самосотворения» Мережковского, наконец, потому, что здесь представлен не аутентичный портрет Достоевского, но, с опорой на ряд достоверных эмпирических деталей, создан его художественный образ, вобравший в себя неоднозначное отношение писателя-символиста к великому предшественнику.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Д. С. Мережковский, Петербург, квартира в Кузнечном переулке, Н. С. Лесков, В. Микулич (Л. И. Веселитская), Серебряный век, житнетворчество, мифологизация

Для цитирования: Богданова О. А. «И в гроб сходя...»: о встрече Достоевского с Мережковским в 1880 г. // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 38–60. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921

“And Going Down to the Coffin...”: on Dostoevsky’s Meeting with Merezhkovsky in 1880

Olga A. Bogdanova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: olgabogda@yandex.ru*

Abstract. For the first time in Dostoevsky studies, the article analyzes closely and comprehensively the visit of the Silver Age aspiring poet, novelist and critic D. S. Merezhkovsky to the St. Petersburg apartment of the great writer in Kuznechny Lane, which took place at the end of 1880. Dostoevsky’s own testimony about this event is missing. All the sources known to date are reviewed and compared: “secondary memoirs” by N. S. Leskov (1888), memoirs by V. Mikulich (L. I. Veselitskaya) (1899) and “Autobiographical note” by Merezhkovsky (1913). The biographical, historical and literary context of the event has been recreated, and a more precise date of the visit has been established. As a result of the conducted research, it is concluded that the fragment from Merezhkovsky’s “Autobiographical note” dedicated to the 1880 meeting with Dostoevsky contains a bright, vivid, memorable image of the great writer and religious prophet, but it requires caution when viewed as a memoir testimony. The first reason is the “exculpatory” polemical message in regard to the interpretations of Leskov and Mikulich. The second is Merezhkovsky’s involvement in the general strategy of life-creating “self-creation.” Finally, the portrait of Dostoevsky presented here is not authentic, but is developed as a mythical artistic image based on a number of reliable empirical details, which has absorbed the ambiguous attitude of the symbolist writer to his great predecessor.

Keywords: F. M. Dostoevsky, D. S. Merezhkovsky, St. Petersburg, apartment in Kuznechny Lane, N. S. Leskov, V. Mikulich (L. I. Veselitskaya), Silver Age, life creation, mythologization

For citation: Bogdanova O. A. “And Going Down to the Coffin...”: on Dostoevsky’s Meeting with Merezhkovsky in 1880. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 38–60. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5921 (In Russ.)

Факт единственной встречи 59-летнего Ф. М. Достоевского с 15-летним Д. С. Мережковским в 1880 г. прямого документального отклика у самого автора «Братьев Карамазовых» не нашел и стал достоянием общественности только через 30 с небольшим лет после самого события, 19 марта 1913 г. в газете «Русское слово» (№ 65). Это была первая публикация «Автобиографической заметки» Мережковского, написанной по заказу С. А. Венгерова для вышедшего в июле 1914 г. 1-го тома «Русской литературы XX века (1890–1910)» и предварившей критико-аналитическую статью А. С. Долинина об авторе трилогии «Христос и Антихрист». Вскоре после выхода этого авторитетного издания «Автобиографическая заметка» Мережковского была включена ее автором в состав последнего тома своего

второго прижизненного Полного собрания сочинений (далее — ПСС) в 24 томах, увидевшего свет в декабре 1914 г. Так как публикации в газете и ПСС содержат ошибку в адресе Достоевского, приводим интересующий нас фрагмент текста Мережковского по изданию под редакцией С. А. Венгерова:

«В Петербурге в 1880 году, познакомившись у гр. Толстой, вдовы поэта, с Достоевским, отец повез меня и к нему. Помню крошечную квартиру в Кузнечном переулке, с низенькими потолками, тесной прихожей, заваленной экземплярами “Братьев Карамазовых”, и почти такой же тесный кабинет, где Федор Михайлович сидел за корректурами. Краснея, бледнея и заикаясь, я читал ему свои детские, жалкие стишонки. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали.

— Слабо, плохо, никуда не годится, — сказал он, наконец: — чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!

— Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! — возразил отец.

Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер»¹.

В рукописи «Автобиографической заметки»², датированной февралем 1913 г., слова Достоевского: «Слабо, плохо, никуда не годится» — появились в результате правки Мережковского вместо зачеркнутых: «Все это — подражание...», — что само по себе свидетельствует о некоторой произвольности воспоминаний, которая может быть объяснена или стертостью ряда деталей в памяти участника встречи, или ее сознательной корректировкой.

Без указания имен посетителей квартиры в Кузнечном сведения об эпизоде из последнего года жизни Достоевского приведены еще в двух свидетельствах современников. Одно из них — в статье Н. С. Лескова «Первенец богемы в России», посвященной судьбе литератора В. П. Бурнашева:

«Как средство к жизни литература далеко не из легких и не из выгоднейших, а напротив, это труд из самых тяжелых, и притом он много ответствен и совсем неблагодарен. В литературе известен такой случай: тайн<ый> сов<етник> М.³ повез к Ф. М. Достоевскому сына своего, занимавшегося литературными опытами. Достоевский, прослушав упражнения молодого человека, сказал: “Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать”. Тогда тайн<ый>

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910: в 3 т. / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1914. Т. 1. С. 291. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Мережковский* и указанием страницы в круглых скобках.

² См.: РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384.

³ Фамилия тайного советника раскрыта в более поздней публикации приведенной цитаты: [Лесков, 1954: 622; 1984: 430–431].

сов<етник> ответил: “Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать”. Достоевский выгнал вон и отца, и сына»⁴.

Второй источник — мемуары Л. И. Веселитской (В. Микулич) «Встреча со знаменитостью», впервые опубликованные в 1899 г.⁵ Рассказывая о своем знакомстве и беседе с Достоевским в петербургском салоне Е. А. Штакеншнейдер, писательница называет точную дату этого события — на святках, за 2 дня до наступления нового 1881 г. (так как в этот период журфиксы в доме Штакеншнейдеров проходили по вторникам, описанный вечер, скорее всего, состоялся 30 декабря 1880 г. (см.: [Тихомиров, 2012: 158])):

«Елена Андреевна издали поманила и позвала меня к себе: — Идите к нам, Федор Михайлович хочет вам погадать. Я подошла к ним, покраснела и сказала, что мне гадать не о чем. Я знаю, что через месяц я выйду замуж. Достоевский спросил о моем женихе: сколько ему лет, чем он занимается, русский ли он и как его зовут, и пожелал мне счастья. — Дайте Федору Михайловичу вам погадать, — сказала Елена Андреевна. — Мне хочется знать, будете ли вы писать? Я ведь надеюсь видеть вас писательницей... Я сделала страдальческое лицо, а Елена Андреевна, успокоительно подмигнув мне, продолжала: — Знаете, к Федору Михайловичу часто приходят начинающие писатели за разрешением сомнения: есть у них талант или нет? По большей части они напрасно сомневаются. И ему приходится говорить им: “Dans le doute abstiens toi”⁶. Недавно к нему родители привели юношу, — пишет стихи и подает надежды. Спрашивают: “будет знаменит?” Федор Михайлович сказал: “пострадать надо”. Родители остались недовольны. — Да, остались совсем недовольны, — подтвердил Достоевский, не переставая тасовать колоду. — Что ж, погадать вам? — Нет, зачем, — сказала я, — уж лучше я пострадаю. Достоевский улыбнулся и переглянулся с Еленой Андреевной» [Микулич: 152–153].

Как видим, в обоих случаях эмоционально-экспрессивная окраска и ряд деталей эпизода отличаются от «Автобиографической заметки» Мережковского. В передаче Н. С. Лескова и В. Микулич отец искал для своего сына сферу деятельности, ведущую к материальному благополучию и людской славе. Достоевский отверг такие намерения, причем в версии Н. С. Лескова весьма резко. А. Н. Лесков предваряет вышеприведенную цитату из давней статьи своего отца словами о намерении последнего обличить «устремление в литературу людей, нимало ее не любящих и ищущих при ее посредстве

⁴ Лесков Н. Первенец богемы в России // Исторический вестник. 1888. Т. 32. Июнь. С. 563. В данном случае разрядка в оригинале заменена на курсив. Последние слова приведенного фрагмента приписывают Ф. М. Достоевскому нехарактерное для него поведение.

⁵ Свой мемуарный очерк о Достоевском В. Микулич впервые опубликовала в журнале «Женское дело» (1899. № 2); отдельным изданием он вышел в 1903 г.

⁶ Если сомневаешься, воздержись (*фр.*).

лишь умножения жизненных выгод и успехов...» [Лесков, 1984: 430]. Кроме того, из пересказа В. Микулич следует, что Достоевский предварительно поделился с Е. А. Штакеншнейдер историей о приходе к нему отца и сына Мережковских — ведь она при нем воспроизводит реплики их диалога, с которыми тот соглашается. Более того, Е. А. Штакеншнейдер прямо указывает на то, что визит произошел недавно; неудивительно, что впечатление о нем у собеседников свежо и детально. В заметке же самого Мережковского полностью отсутствуют вопрос о будущей «знаменитости» подростка и меркантильные соображения его отца.

На сегодняшний день сведения о встрече 1880 г., как правило, в изложении Мережковского, с разной степенью точности и подробности переданы в ряде работ⁷. Тем не менее в достоевсковедении этот текст до сих пор не подвергался тщательному анализу. Наиболее подробно его рассмотрел Б. Н. Тихомиров, причем, что ценно, в сопоставлении с воспоминанием В. Микулич. В результате создалась более полная картина события. Так, учитывая детали, переданные писательницей, ученый предположил, что «не только слабостью подростковых стихов, но также <...> усиленной родительской заботой об известности, славе — одним словом, о “бренном”, столь откровенно поставленном во главу угла в разговоре о “святом искусстве”, и была вызвана прозвучавшая в ответ суровая отповедь автора “Мертвого дома”: “Чтоб хорошо писать, страдать надо...”. Именно отцовский вопрос: «Будет ли знаменит?» — стал причиной «столь резк[ой] реакци[и] Достоевского» (см.: [Тихомиров, 2012: 159]). При этом Б. Н. Тихомиров не привел свидетельства, переданного Н. С. Лесковым, которое усиливало впечатление о «резкой реакции» хозяина квартиры в Кузнечном.

Уже сравнение с рукописным вариантом заметки, как было отмечено выше, говорит о некоторой произвольности передачи Мережковским деталей давней встречи с великим писателем. Необходимость критически отнестись к «общеизвестному фрагменту, не вызывавшему сомнений в достоверности», впервые указана М. Д. Эльзоном, который в связи с «Автобиографической заметкой» 1913 г. отметил «избирательность памяти 50-летнего мемуариста — он запомнил слова Ф. М. Достоевского, цвет его глаз, его прощальный (предсмертно-напутственный?) взгляд, прощальное пожатие руки — и забыл, что встреча с автором “Братьев Карамазовых” произошла в доме “в Кузнечном переулке” (это явно поправка С. А. Венгерова)⁸ <...>. Он мог, наконец, забыть, что в первом письме к А. Г. Достоевской (20 декабря 1902 года), называя себя и свое окружение “духовными детьми” ее покойного мужа, он не напомнил о встрече более чем двадцатилетней давности»

⁷ См.: [Фридлиндер: 4], [ЛЖТ: 523], [Лавров: 18], [Андрущенко, 2000: 484], [Белов: 539–540], [Зобнин: 13], [Волгин: 433], [Холиков, 2010: 13], [Тихомиров, 2012: 158–159], Сапожков С. В. Проект РФФИ № 17-04-00553-ОГН «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д. С. Мережковского (1865–1941 гг.)”» и др.

⁸ В публикациях в газете и ПСС в 24 т. была указана близлежащая Колокольная улица.

[Эльзон: 156, 157]. Анализируя вышеприведенный текст Н. С. Лескова, М. Д. Эльзон продолжал: «...то, что сведения исходили от автора “Братьев Карамазовых”, — несомненно. Вероятнее всего, общеизвестным этот факт сделал Д. В. Григорович, отличавшийся чрезмерной словоохотливостью. Поручиться же за точность приведенных Н. С. Лесковым слов Ф. М. Достоевского можно, только достоверно зная, что он записал их сразу после личной беседы с ним, а не воспроизвел по памяти почти восемь лет спустя» [Эльзон: 158].

Воспоминания В. Микулич о Достоевском также были опубликованы не сразу, а почти через 20 лет после общения. В пользу их достоверности, однако, говорит факт личной беседы начинающей писательницы с автором «Братьев Карамазовых». Как и фрагмент Н. С. Лескова, хотя и затерянный в статье другого содержания⁹, упоминание о «юноше» во «Встрече со знаменитостью» В. Микулич, полностью посвященной Достоевскому, вполне могло стать известным Мережковскому. В самом деле, в 1890-е гг. эта молодая писательница имела громкий успех в литературных кругах Петербурга, вместе с Мережковскими сотрудничала в журнале «Северный Вестник». А. Л. Вольнский в статье «Современная русская беллетристика» (Северный Вестник. 1896. № 2) поставил В. Микулич, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус в один ряд как писателей, изображавших «душу современных людей» (цит. по: [ЛЛС: 225]). Кроме того, работая в 1898–1902 гг. над объемным трактатом «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Религия» (см.: [Андрущенко, 2000: 481]), Мережковский активно интересовался источниками, проливавшими свет на личности своих героев. Он просто не мог пройти мимо мемуаров Микулич, читая которые, наверняка узнал себя и своего отца в анонимных действующих лицах известного эпизода. Сам он, однако, уже будучи автором программной статьи «Достоевский»¹⁰ (1890) и упомянутого трактата, умалчивал о своем личном знакомстве с автором «Братьев Карамазовых» вплоть до 1913 г., что само по себе вызывает вопросы. Нет упоминания о визите в Кузнечный и в письмах Мережковского к А. Г. Достоевской, даже в первом из них, от 20 декабря 1902 г., с которого начинается знакомство с ней и где он называет себя и других участников религиозно-философского журнала «Новый путь» «духовными детьми» великого писателя (см.: [Гарэтто: 240]). Видимо, в этой короткой встрече действительно было что-то такое, о чем повзрослевшему писателю не хотелось вспоминать. Поэтому рассматриваемый нами эпизод из «Автобиографической заметки» можно трактовать и как попытку восстановления своей репутации, хотя бы в собственных глазах. Решился на это Мережковский лишь через много лет после предполагаемого прочтения вышеприведенных

⁹ Тем не менее М. Д. Эльзон предполагает знакомство Мережковского с этим текстом. См.: [Эльзон: 157].

¹⁰ Первоначальное название — «О “Преступлении и наказании” Достоевского».

строк Лескова и Микулич, когда уже стал знаменитым писателем, автором прижизненного Полного собрания сочинений, претендовавшим на роль литературного классика (подробнее см.: [Холиков, 2014: 104]), подобного героям своего трактата «Л. Толстой и Достоевский».

А. А. Холиков, пожалуй, впервые в науке уделил «Автобиографической заметке» самое пристальное внимание и в результате ее тщательного анализа пришел к следующему выводу: «В границах структурированного самим же автором издания» — ПСС в 24 т. 1914 г. — Мережковский создал как бы свой «парадный автопортрет», «заключенный в надежную рамку между авторским предисловием (в первом томе. — О. Б.) и “Автобиографической заметкой” (в последнем томе. — О. Б.). Именно *таким* писатель хотел выглядеть перед публикой. <...> Мережковский умело орудует фактами, в достоверности которых нельзя усомниться, “забывает” одни и вспоминает другие» [Холиков, 2014: 189–190]. «Автобиографическая заметка» в контексте всего ПСС понята ученым как «саморепрезентация» [Холиков, 2014: 269] писателя-символиста, который «сознательно согласовывает автобиографический и художественный тексты, следуя <...> принципу жизнотворчества», а также избирательно освещает биографические события, выстраивая «свой жизненный и творческий путь исходя из собственных представлений, сложившихся к 1913 году» [Холиков, 2014: 188–189]. Однако сам эпизод встречи с Достоевским в плане фактической достоверности исследователем не разбирается; в книге А. А. Холикова есть только указания на альтернативное свидетельство Н. С. Лескова и мнение М. Д. Эльзона, пробуждающие сомнения в аутентичности изложенного Мережковским. Они приведены нами выше. Тем не менее А. А. Холиков наметил перспективный концептуальный ракурс отношения к «Автобиографической заметке». В свете заданного им импульса предпримем микроисследование небольшого ее фрагмента, касающегося встречи Достоевского с будущим писателем.

Предварительно уясним ряд моментов. Во-первых, вспомним об отмеченной А. А. Холиковым манере Мережковского (впрочем, свойственной большинству символистов) подчинять факты жизнотворческому заданию, что сближает автобиографию с художественным произведением, а выводимых в ней лиц — с художественными образами. Кроме того, отметим общую «вольную» манеру обращения Мережковского с цитируемыми писателями (что также было присуще многим его современникам, например В. В. Розанову, А. А. Блоку, А. Белому, Г. И. Чулкову и др.). Так, по наблюдению В. Н. Захарова, в трактате «Л. Толстой и Достоевский» его автор, приводя слова Достоевского по памяти, контаминируя и стягивая их, порой пропускающая и заменяя, в итоге договаривается чуть ли не до «концепции “фантастического реализма”», на деле никогда самим Достоевским не декларированного. Учитывая авторитетность этого труда Мережковского, неудивительно, что творческий метод автора «Преступления и Наказания» многими из исследователей XX в. стал необоснованно называться «фантастическим

реализмом» (см.: [Захаров: 120–123]). Наконец, назовем и такую важную черту литературы Серебряного века, как мифологизация. Именно Мережковский на рубеже XIX–XX вв. стал главным создателем влиятельного «мифа Достоевского», подхваченного его современниками (подробнее см.: [Богданова: 171–181]). К 1913 г. он уже автор множества статей, трактатов, рецензий о Достоевском¹¹, в которых складывается вполне определенный образ-миф великого романиста: постоянная бедность и вечное бездомное скитальчество; религиозность как лейтмотив его внутренней жизни с самого детства; эшафот как переломный момент в судьбе; эпилепсия как «священная», «великая болезнь», открывавшая Достоевскому просветы, «окна» в «миры иные» и определившая его «пророческий» дар; «всемирность» как сочетание русскости и европеизма; героизм Слова как проявление особого рода святости; наконец, таинственность, недосказанность, неразгаданность творчества, личности и жизненного пути писателя-пророка (см.: [Мережковский, 2000: 13–90]). Отметим также, что все перечисленные характеристики в составленной Мережковским «биографической легенде» (термин Б. В. Томашевского) относятся к Достоевскому зрелому¹², автору пяти великих романов, т. е. к тому, с которым Мережковский и познакомился в 1880 г. и чей облик запечатлелся в его юношеской эмоциональной памяти.

Вдобавок отметим, что к 1913 г. писатель-символист претерпел заметную эволюцию в своем отношении к автору «Бесов». Если до революционных событий 1905 г. Достоевский для Мережковского в первую очередь был союзником в деле пересмотра «исторического христианства» (см.: [Мережковский, 2000: 187–188, 203]), то уже в 1906 г. он провозглашает над писателем XIX в. «страшный суд», который теперь совершает «сама история» в лице русской революции (см.: [Мережковский, 1906: 5]). Критик разделил в нем «личину» реакционера и «лицо» «религиозной революции»: «Личина — православие, самодержавие, народность; лицо — преодоление народности — во всечеловечности, преодоление самодержавия — в теократии, преодоление православия — в религии Св<ятого> Духа» [Мережковский, 1906: 52]. Поэтому Достоевский и является «первым пророком Св<ятого> Духа, С<вятой> Плоти», «первым из нас», подлинным провозвестником «религиозной революции» (см.: [Мережковский, 1906: 4, 3, 55]). Двойственное, амбивалентное отношение к прежнему безусловному кумиру, по мере сближения Мережковского в 1906–1908 гг. с эсеровской эмиграцией в Париже, все больше склонялось к полюсу враждебности к Достоевскому, которого теперь следовало любить «любовью <...> ненавидящей» — ведь в нем «воплотилась вечная метафизическая сила русской реакции, сила сопротивления старого

¹¹ См., например: «Достоевский», «Л. Толстой и Достоевский», «I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький», «Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского)», «Революция и религия», «Бес или Бог?», «Конь бледный», «Два отречения» и др.

¹² Детству и петербургской жизни Достоевского 1840-х гг. посвящено в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» всего по одной странице.

порядка новому». «Не сломив этой силы, не преодолев Достоевского и *достоевщины*, нельзя идти к будущему» [Мережковский, 1915: 277, 281–282], — заявлял Мережковский в 1913 г. Итак, в год написания «Автобиографической заметки» Достоевский воспринимался Мережковским двояко: как союзник в становлении «нового религиозного сознания» и как противник в борьбе за «религиозную общественность», или за «религиозную революцию».

Обратимся непосредственно к интересующему нас фрагменту и попробуем уточнить дату встречи обоих писателей. В отличие от «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», И. Л. Волгин, М. Д. Эльзон и Б. Н. Тихомиров справедливо относят ее к концу 1880 г. В самом деле, Мережковский упоминает экземпляры «Братьев Карамазовых», которыми была «завалена» «тесная» прихожая «крошечной» квартиры Достоевского. Известно, что книги были доставлены из типографии 9 декабря (см.: [ЛЖТ: 506]). Значит, приход Мережковских не мог произойти раньше этой даты. В воспоминаниях В. Микулич указан день рассказа Штакеншнейдер-Достоевского об этом визите — 30 декабря. Таким образом, устанавливаются предварительные временные рамки встречи: 10–29 декабря 1880 г. Их можно сузить, руководствуясь некоторыми косвенными признаками. Конечно, здесь мы вступаем в область предположений, впрочем, обоснованных и общей логикой событий, и конкретными фактами.

Во-первых, А. Г. Достоевская указывает, что отдельное издание «Братьев Карамазовых» «имело сразу громадный успех, и в несколько дней публика раскупила половину экземпляров» [Достоевская: 391]. Таким образом, буквально через считанные дни квартира в Кузнечном освободилась практически наполовину и не могла показаться такой уж «крошечной». В связи с этим логично предположить, что визит Мережковских произошел не позже 14–15 декабря.

Известно также, что 16 декабря Достоевский присутствовал в Аничковом дворце на встрече с цесаревичем (будущим Александром III), с которым «хотел <...> познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам»¹³. Во второй половине того же дня Достоевского «посещают студенты юридического факультета Петербургского университета Я. Ф. Сахар (впоследствии известный нотариус) и Е. С. Федоров-Чмыхов (будущий литератор) и получают от него “на память” фотографии (К. Шапиро. Петербург. 1879) с дарственными надписями» [ЛЖТ: 513]. Такой прием, как видим, контрастирует со встречей с Мережковскими, которых знаменитый писатель, по собственной оценке будущего символиста, принял

¹³ Л. Ф. Достоевская об отце. (Впервые переведенные главы воспоминаний) / публ. С. В. Белова; пер. с нем. Е. С. Кибардиной // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 307. (Сер.: Литературное наследство; т. 86). См. также: [Волгин: 271].

«с нетерпеливою досадою», а по версии Н. С. Лескова, «выгнал вон» и которые, по свидетельству В. Микулич, «остались совсем недовольны».

Кроме того, 19 декабря в своем кабинете в Кузнечном переулке Достоевский отвечает на письмо некоего Николая Александровича, неустановленного лица, попросившего у писателя совета о круге чтения своего сына-подростка: «Каких лет Ваш сын — этого Вы не обозначаете. — Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит *прекрасные впечатления и родит высокие мысли*»¹⁴. Слова, отмеченные курсивом, выделены Достоевским — так он подчеркнул важное для себя, то, что его волновало и беспокоило в тот момент. Интересно, что здесь нет слов о необходимости страдания. Из дальнейшего текста письма выясняется, что сын адресата Достоевского был в возрасте 13–16 лет. Вспомним, что и Дмитрию Мережковскому в декабре 1880 г. было 15 лет¹⁵. Возникает мысль: не впечатление ли от слов С. И. Мережковского о возможной выгоде литературного труда (материальной и психологической) для его сына стало одним из импульсов к написанию и выделению этих слов Достоевским?

Таким образом, временной коридор свидания Достоевского с Мережковским сужается примерно до 6 дней: 10–15 декабря 1880 г. Хотя 13 декабря Достоевский принимал в своем доме племянника А. А. Достоевского, а 14 декабря участвовал в вечере в пользу Бестужевских женских курсов (см.: [ЛЖТ: 510–511]), исключать посещение Мережковских в эти дни нельзя, так как неизвестно, в какой час оно произошло. Тем не менее наиболее вероятным представляется 15 декабря. В этот день Достоевский получил от К. П. Победоносцева известие о предстоящем на завтра визите в Аничков дворец для знакомства с наследником престола. Мысль о свидании с царской особой могла актуализировать у писателя память о перенесенных в молодости страданиях из-за участия в антиправительственной деятельности.

Известно, что «перерождение убеждений», во многом обусловившее взлет послекаторжного творчества создателя «Записок из Мертвого Дома», сам он связывал именно с личным опытом страдания. В 1874 г. Достоевский говорил писателю Вс. С. Соловьеву: «...меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался... <...> О! это большое для меня было счастье: Сибирь и каторга! Говорят: ужас, озлобление, о законности какого-то озлобления говорят! ужаснейший вздор! Я только там <...> себя понял <...> Христа понял... русского человека понял <...>. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно»¹⁶. Аналогично писатель высказался в разговоре с его братом, философом

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30₁. С. 237. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полтума — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

¹⁵ Дата его рождения — 2 августа 1865 г.

¹⁶ Соловьев Вс. С. Из воспоминаний // Чехихин-Ветринский В. Е. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 128–129.

Вл. С. Соловьевым, которому пожелал пойти «года на три в каторжную работу»: «...тогда-то, после каторги, ты был бы совсем прекрасный и чистый христианин...»¹⁷. Уже после смерти автора «Братьев Карамазовых» Вл. С. Соловьев так осмыслил его духовный путь: «Вместо злобы неудачного революционера Достоевский вынес из каторги светлый взгляд нравственно возрожденного человека. <...> Эта нравственная сила, обновленная соприкосновением с народом, дала Достоевскому право на высокое место впереди нашего общественного движения не как служителю злобы дня, а как истинному двигателю общественной мысли»¹⁸.

Благодаря мемуарам Н. С. Лескова и В. Микулич становится очевидным, что визит Мережковских произвел на Достоевского заметное впечатление, если писатель рассказал о нем Д. В. Григоровичу, Е. А. Штакеншнейдер и, возможно, другим лицам. Видимо, он выпадал из обычного тона общения Достоевского с молодежью. Психологический след встречи с Мережковскими (от противного) можно увидеть в процитированном выше письме писателя к Николаю Александровичу от 19 декабря 1880 г.

Еще одним возможным отголоском визита Мережковских в этом же письме Достоевского являются строки: «...у меня столь мало здоровья и сил, что если отвечать на все письма и запросы (а их приходит множество), то совершенно некогда будет писать и заниматься своим делом» (ДЗ0; т. 30₁: 237). Вспомним слова в «Автобиографической заметке» Мережковского о «нетерпеливой досаде» автора «Дневника Писателя», которому они, «должно быть, помешали». Нельзя при этом не учесть и плохого самочувствия писателя, буквально стоявшего в последние месяцы 1880 г. на пороге смерти. Еще в ноябре он писал бывшему воспитателю в Инженерном училище А. И. Савельеву о том, что «страшно нездоров <...> *анфиземой*: дыхания мало, и начинается расстройство желудка, весьма серьезное, тоже от *анфиземы*, как говорит доктор, то есть от недостаточного дыхания» (ДЗ0; т. 30₁: 231); 3 декабря — И. С. Аксакову: «...разгулялась моя *анфизема*, укороченное дыхание, а за ним и ослабление сил» (ДЗ0; т. 30₁: 232). В этом состоянии «огромная переписка и бесчисленные посетители» (подробнее см.: [Сараскина: 757]) были ему явно не по силам: «...верите ли, — писал он М. А. Поливановой 18 октября 1880 г.: — звонок за звонком, кофею не дадут напиток: то приходят от студентов и от гимназий с просьбами читать, то с своими рукописями: прочтите, дескать, и пристройте в какой-нибудь журнал, вы-де со всеми редакциями знакомы...» (ДЗ0; т. 30₁: 221).

В начале фрагмента из заметки Мережковского говорится о знакомстве его отца, Сергея Ивановича, с Достоевским в салоне графини С. А. Толстой, вдовы А. К. Толстого, где писатель нередко бывал в 1879–1880 гг. На наш

¹⁷ Стахеев Д. И. Группы и портреты. (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. 1907. Т. 107. Январь. С. 86.

¹⁸ Соловьев Вл. Три речи в память Достоевского (1881–1883 гг.). М.: Университетская тип., 1884. С. 16.

взгляд, наиболее вероятная дата этого знакомства — 10 октября 1880 г., когда Достоевский идет «обедать к графине С. А. Толстой» после посещения семьи Штакеншнейдеров (см.: [ЛЖТ: 482]). Известно, что 6 октября он только вернулся в Петербург из Старой Руссы, а более поздние визиты писателя к вдове А. К. Толстого в 1880 г. не зафиксированы. С. И. Мережковскому была известна популярность автора «Братьев Карамазовых» у молодежи и его открытость ей; кроме того, он «гордился» стихами сына, «отдавал их переписывать и показывал знакомым» (*Мережковский*: 290–291). «Почему экспертом в вопросах поэтического творчества он (С. И. Мережковский. — О. Б.) избрал романиста Достоевского, а, скажем, не кого-то из поэтов — А. Н. Майкова или Я. П. Полонского? — размышляет Б. Н. Тихомиров. — Может быть, он слышал, как в салоне графини С. А. Толстой Достоевский вдохновенно читал и толковал стихи любимого Пушкина?» [Тихомиров, 2012: 159].

Непосредственным импульсом к визиту в Кузнечный переулок С. И. Мережковского с младшим сыном послужили, по-видимому, первые поэтические публикации Дмитрия в октябре 1880 г. — стихотворение «Тучка» и цикл «Осенние мелодии» — в журнале «Живописное обозрение» (№№ 40, 42). К этому времени в активе у начинающего поэта были также стихотворения «Розы», «Весною», возможно, «Нарцисс» (см.: [Кумпан: 10], [Зобнин: 26], [Холиков, 2014: 76])¹⁹. Эти, по поздней оценке самого автора, «детские, жалкие стишонки» были перепевами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и др. Судя по рукописному варианту заметки Мережковского, Достоевский воспринял именно их подражательный характер. Замечание же о необходимости «страдать», как уже было отмечено, относилось, скорее всего, не к стихам, а к мечтаньям Сергея Ивановича о будущей литературной славе юного стихотворца. Тем не менее нельзя исключить и прямой «творческой полемики» между авторами «Записок из Мертвого Дома» и «Тучки» — в этом первом напечатанном стихотворении Дмитрия, которое он наверняка прочел Достоевскому в декабре 1880 г., есть строки о страдании, вернее о его нежелательности:

«О, если б я мог быть той тучкой небесною!..
Такою ж прозрачной, такою ж прелестною,
Растаять от знойного солнца лобзания, —
Погибнуть той смертью без мук, без страдания:
С высокого неба на землю взглянуть —
И в море лучей без следов потонуть!..»²⁰

¹⁹ В «Автобиографической заметке» обстоятельства первой публикации Д. С. Мережковского переданы неверно.

²⁰ Мережковский Д. Тучка // Живописное обозрение. 1880. № 40. 4 октября. С. 253.

Итак, нет сомнений в том, что слова о страдании как источнике творчества были на самом деле произнесены Достоевским, — ведь они присутствуют во всех трех вариантах эпизода и, как отмечает М. Д. Эльзон, «не прошл[и] бесследно: в программном стихотворении “Поэту” (1883) Д. С. Мережковский наставлял идущего вослед:

«Поймешь ты красоту и смысл существованья
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте».

Этим стихотворением открывается первая книга Д. С. Мережковского», который «не счел возможным поместить в ней те, что он читал Ф. М. Достоевскому. Может быть, он и сам счел их “пустяками”, недостойными читательского внимания» [Эльзон: 158–159].

Еще более ранние последствия «дискуссии» о страдании — в неопубликованных строках «На смерть Достоевского» из юношеской поэтической тетради Мережковского 1880–1881 гг.:

«Утас он... погиб в непомерной борьбе
Всю бездну людского страданья
Все небо любви вместил он в себе
Всю глубь бытия и сознания»²¹.

Хотя, по мнению Е. А. Андрущенко, «прием, оказанный ему Достоевским, трудно назвать “благословением на литературную деятельность” <...>, как в преклонном возрасте писал Мережковский, но все же нельзя не признать, что воздействие личности и творчества Достоевского на него было значительным» [Андрущенко, 2009: 186]. Действительно, уже в эмиграции, в 1930 г., Мережковский по просьбе А. В. Амфитеатрова выслал ему для готовившейся истории новейшей русской литературы на итальянском языке (проект не был реализован) «краткую биографическую и библиографическую о себе справку», в которой указывал, что единственное «свидание» с Достоевским «произвело на [него] большое впечатление и было как бы благословением на литературную деятельность» [Письма...: 160–161].

В свою очередь, А. А. Холиков полагает, что обсуждаемая здесь встреча послужила «одной из причин творческого интереса Мережковского к личности Достоевского», который, как уже было замечено выше, воплотился в многочисленных трудах писателя-символиста (см.: [Холиков, 2014: 135–136]). «Примечательно, — пишет исследователь, — что слова о необходимости страдания, приписываемые Достоевскому в “Автобиографической заметке”,

²¹ Мережковский Д. С. II. Юношеские опыты. С 13 мая 1880 года // РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24269. Л. 136–136 об.

станут опорными в рассуждениях самого Мережковского о русском классике» [Холиков, 2014: 136] и в «Л. Толстом и Достоевском» (см.: [Мережковский, 2000: 61], и в «Пророке русской революции» (см.: [Мережковский, 1906: 55], и в других работах.

Наконец, «страдальческая» траектория объединяет в заметке Мережковского напутствие Достоевского и рассказ о скором знакомстве и тесной дружбе с С. Я. Надсоном, как известно, носителем мученического ореола (сиротство, изнурительная болезнь, трагическая любовь, неравная борьба с социальной несправедливостью, ранняя смерть). Хотя в реальности Мережковский познакомился с автором знаменитого «Певца» (1881) лишь в 1882 г., в «Автобиографической заметке» это событие следует непосредственно за смертью Достоевского, как бы передавая эстафету страдальческого подвига в новые молодые руки. Более того, упрекая старшего друга в некотором индивидуализме, Мережковский писал С. Я. Надсону: «...мне кажется, возвысить могут меня *страдания*, — *страдания за других*, к ним-то и нужно стремиться со всей энергией, как к счастью, для них-то и нужно в душе приготовить достойное святилище» [Мережковский, 1994: 180].

Несмотря на свое двойственное отношение к Достоевскому, сложившееся к 1913 г., Мережковский возводит к нему — хотя бы частично — собственную писательскую генеалогию. В первую очередь, как справедливо заметил А. А. Холиков, это «“рукопожат[ость]” Достоевским незадолго до его смерти» [Холиков, 2014: 189], что напоминает хрестоматийное пушкинское: «...старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»²². Думается, аллюзия на Пушкина здесь сознательна и рассчитанна — недаром эпизоду с Достоевским в «Автобиографической заметке» непосредственно предшествует встреча в Крыму с 70-летней Е. К. Воронцовой, одной из главных любовей великого поэта: «Я не знал, что имею счастье целовать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин» (*Мережковский*: 291).

Кроме явного указания на преемственность от Достоевского, Мережковский исподволь сближает биографии автора «Преступления и Наказания» и свою собственную, тем самым формируя представление об их глубинном сходстве. Во-первых, это родительская семья: Сергей Иванович Мережковский — «угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой времен николаевских» (*Мережковский*: 289), — на удивление схож с Михаилом Андреевичем Достоевским, чей «тяжелый нрав, <...> угрюмость, вспыльчивость и подозрительность» [Мережковский, 2000: 58] имели, по предположению автора трактата «Л. Толстой и Достоевский», серьезное влияние на его гениального сына. Кроме того, летом на даче на Елагином и Крестовском островах маленький Мережковский так же упоенно играл в «диких», как когда-то Федя Достоевский в Даровом. Если последний в детстве заслушивался

²² Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 142.

историями неутомимой Алены Фроловны, то и у Мережковского «была <...> старая няня, которая рассказывала [ему] русские сказки и жития святых» (*Мережковский*: 289). В гимназические годы юный Дмитрий «мало сходил» с товарищами, был «нелюдим и застенчив» (*Мережковский*: 290), подобно 16-летнему кондуктору Федору в Главном Инженерном училище в Петербурге 1830-х гг. В дальнейшем в автобиографию Мережковского вплетаются имена А. Н. Плещеева, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского. Но все эти люди — ближайшие друзья Достоевского, первые два — еще с 1840-х гг., времени молодости автора «Бедных людей». Они постоянные адресаты писем великого писателя, опубликованных в изданиях рубежа XIX–XX вв.; другие подробности Мережковский мог узнать из жизнеописания Достоевского в его первом посмертном Полном собрании сочинений²³, а также из воспоминаний современников, собранных В. Е. Чехихиным-Ветринским²⁴ или опубликованных в журналах 1890–1900-х гг.

Некоторые детали описанного Мережковским свидания 1880 г. носят очевидно мифологизирующий характер. Во-первых, это размеры квартиры Достоевского и, возможно, ее адрес. В «Автобиографической заметке» она описана как «крошечная», «с низенькими потолками, тесной прихожей <...> и почти так[им] же тесн[ым] кабинет[ом], где Федор Михайлович сидел за корректурами». На самом деле шестикомнатная квартира, которую снимали Достоевские в Кузнечном переулке в 1878–1881 гг., была достаточно просторной даже для конца XIX в. При входе находилась кладовая для книг площадью 14 квадратных метров, сама прихожая насчитывала 18 квадратных метров; в гостиной, через которую отец и сын Мережковские прошли в кабинет писателя, было почти 27 квадратных метров, а в самом кабинете — почти 24 квадратных метра. Высота потолков 3,2 м²⁵. Можно, конечно, предположить, что квартира в Кузнечном показалась юному Мережковскому тесной по сравнению с теми «дворцовыми зданиями» и «казенн[ой], огромн[ой], со множеством комнат, жилых и парадных, в двух этажах» квартирой в доме эпохи Екатерины II, т. е. последней трети XVIII в. (см.: *Мережковский*: 288)²⁶, в которых прошло его детство благодаря службе отца — тайного советника, крупного чиновника Министерства императорского

²³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. 839 с. В составе т. 1 — «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» О. Ф. Миллера и «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Н. Н. Страхова, а также большая подборка писем писателя разных лет к разным лицам.

²⁴ См.: Чехихин-Ветринский В. Е. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1912. 336 с.

²⁵ См.: Договор безвозмездного пользования № 10-Б207957 от 21 мая 2001 г. Комитета по управлению городским имуществом г. Санкт-Петербурга с Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского.

²⁶ Мережковский ошибочно указывает царствование Петра I как время постройки здания.

двора, столоначальника Придворной его величества конторы (см.: [Холиков, 2014: 112]). Однако впоследствии писатель-символист жил в Петербурге в обыкновенных интеллигентских квартирах, соизмеримых по площади с жилищем Достоевского в Кузнечном переулке. Так, первая петербургская квартира Мережковских после свадьбы в 1889 г. (Верейская ул., 12) была «очень мила», но, очевидно, невелика: из «очень узеньк[ой]» спальни З. Н. Гиппиус был «выход только в [ее] кабинет побольше, (или салон) потом, на другую сторону, столовая, по коридору — комната Д. С. — и все. Ванны не было, но она была устроена в кухне, за занавеской» [Гиппиус: 54]. Правда, вскоре они переехали в великолепный по тем временам дом Мурузи (Литейная ул., 24), где в 1889–1912 гг. сменили несколько квартир, от скромной четырехкомнатной на 5 этаже до гораздо более просторной на 4 этаже, что стало возможным благодаря высоким литературным гонорарам обоих супругов (см.: [Гиппиус: 153]).

Возвращаясь к обстановке визита Мережковских к Достоевскому, отметим, что экземпляры «Братьев Карамазовых» в декабре 1880 г. были сложены в специальной кладовой («громадной», по выражению А. Г. Достоевской [Достоевская: 347]), объем которой (при площади 14 квадратных метров и высоте потолка 3,2 м) не менее 42 кубических метров. Это пространство с легкостью вмещало большое количество книг. Да и тираж «Братьев Карамазовых» в 3000 экз. поступал частями, так что в прихожей могла располагаться сравнительно небольшая его часть, к тому же быстро таявшая благодаря интенсивной раздаче покупателям. Это обстоятельство также говорит в пользу нашей гипотезы о том, что визит Мережковских состоялся не позднее 15 декабря: ведь, напомним, по свидетельству Анны Григорьевны, «половина экземпляров» была раскуплена публикой «в несколько дней», т. е. в течение примерно 5–7 дней начиная с 9 декабря прихожая должна была освободиться от книг. Дмитрий же увидел прихожую, «заваленную» экземплярами последнего романа Достоевского. Но даже это впечатление, скорее всего, гиперболизировано с целью подчеркнуть необыкновенную тесноту «квартирки» автора «Преступления и Наказания».

В пользу просторности реальной квартиры и особенно кабинета Достоевского имеется и косвенное творческое свидетельство. Автобиографический герой романа «Униженные и Оскорбленные» так пишет о своих поисках съемной квартиры в Петербурге:

«Во-первых, хотелось квартиру особенную, не от жильцов, а во-вторых, хоть одну комнату, но непременно большую, разумеется вместе с тем и как можно дешевую. Я заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно. Я же, когда обдумывал свои будущие повести, всегда любил ходить взад и вперед по комнате» (Д30; т. 3: 169).

Так что Достоевский сознательно стремился к просторным комнатам и, думается, старался выбирать для себя такие. Ведь это влияло на продуктивность его творческого труда.

Можно также предположить, что указание последнего адреса Достоевского в Колокольной улице вместо Кузнечного переулка в «Автобиографической заметке» Мережковского не простая забывчивость, но рассчитанный мифологизирующий прием. Ошибка в первой газетной публикации 1913 г. вполне может быть объяснена длительным временным интервалом между событием и записью воспоминания о нем: в самом деле, Колокольная улица в Петербурге располагалась вблизи Кузнечного переулка, проходила параллельно ему по другую сторону Владимирской церкви и тоже вливалась в широкую Владимирскую улицу практически напротив дома Прянишникова на углу Графского переулка, где Достоевский проживал в 1840-е гг. (подробнее см.: [Тихомиров, 2009]). Однако повтор этой ошибки в последнем томе ПСС Мережковского 1914 г., к фактологии которого он, как показывает А. А. Холиков, относился весьма внимательно (см.: [Холиков, 2014: 188–190]), наводит на мысль о возможности ее осознанного характера. Особенно если учесть, что 24-й том второго прижизненного ПСС Мережковского вышел в декабре 1914 г., а 1-й том венгеровской «Русской литературы XX века» с «Автобиографической заметкой» — в июле 1914 г. Все-таки трудно предположить, что ее автор не заметил редакторской правки С. А. Венгерова, т. е. появления Кузнечного переулка вместо Колокольной улицы. Хотя вероятность этого тоже имеется.

В любом случае символика тесной квартиры-«гроба», явно восходящая к жилищу Раскольников в романе «Преступление и Наказание», наполнена в «Автобиографической заметке» Мережковского поистине художественной многозначностью: это и указание на скорую смерть Достоевского («Я <...> вскоре узнал, что он умер»), и уже упомянутая аллюзия на Пушкина («И в гроб сходя, благословил»), и воскрешение томящегося «во гробе» Лазаря (явленное в образной системе «Преступления и Наказания») божественной силой Святого Духа, сходящего с небес на Христа. Ведь Достоевский, по мысли основателя и главного выразителя «нового религиозного сознания» Серебряного века, или «религии Третьего Завета», завета Святого Духа, — «предвозвеститель новой религии», «воистину <...> пророк», заглянувший «в бездну духа» и «стремящийся <...> к воплощению духа» в художественных образах (см.: [Мережковский, 2000: 184, 187]).

Обращает на себя внимание еще одна яркая деталь — «бледно-голубые глаза» великого писателя в передаче автора анализируемой заметки. Она также вызывает сомнение в своей аутентичности. Ведь если обратиться к воспоминаниям современников — тех людей, которые, как и Мережковский, видели живого Достоевского, причем некоторые из них, в отличие от нашего мемуариста, часто и совсем близко, то обнаружим, что среди 12-ти свидетельств *нет ни одного* о голубизне глаз Достоевского! В разделе «Облик»

составленной П. Е. Фокиным книги «Достоевский без глянца» собраны зарисовки очевидцев, 5 из которых пишут о цвете глаз писателя. Так, по воспоминаниям знавших его еще в молодости А. Я. Панаевой и С. Д. Яновского, глаза у Достоевского были «серые», «светло-серые». По впечатлениям 1860–1870-х гг., А. Г. Достоевская, А. Н. Толиверова и Вс. С. Соловьев говорят о «карих», «темно-карих» и «светлых карих» глазах Достоевского (см.: [Достоевский без глянца: 19–28]). В дополнение к численному перевесу сторонников «карих» глаз у писателя, к ним принадлежит его жена, которой с уверенностью можно отдать решающий голос в этой заочной дискуссии, так как она человек, наиболее часто и длительно наблюдавший Достоевского в разных жизненных ситуациях.

Также большинство мемуаристов указывают на глубокую посадку и впалость глаз писателя в его последние годы. Показательны, однако, впечатления В. В. Тимофеевой-Починковской от встреч с Достоевским в 1873 г.: отмечая у него в повседневной жизни «беззвучный голос, потухший взгляд», вдруг, в один из моментов его духовно-эстетического воодушевления, она увидела «настоящее лицо Достоевского, каким <...> его представляла себе, читая его романы!.. Как бы озаренное властной думой, оживленно-бледное и совсем молодое, с проникновенным взглядом глубоких потемневших глаз, с выразительно-замкнутым очертанием тонких губ, — оно дышало торжеством своей умственной силы, горделивым сознанием своей власти... <...> Это было лицо великого человека, историческое лицо»²⁷. Литератор А. А. Александров писал о редкой пронизательности взгляда Достоевского: «Это были живые, в высшей степени внимательные глаза, казалось, смотревшие вам прямо в душу и видевшие ее всю насквозь, со всеми ее изгибами и тайниками»²⁸.

Большинство приведенных воспоминаний были опубликованы на рубеже XIX–XX вв. в различных источниках, и Мережковский наверняка их прочел, прежде чем создать в своей «Автобиографической заметке» облик Достоевского как «великого человека» и «исторического лица», чей духовный «взор», с легкостью «пронзая» завесу настоящего, проникал в «прозрачное» для него будущее. «Бледно-голубой», по Мережковскому, цвет глаз Достоевского — это прежде всего цвет неба как традиционного символа божественного присутствия, как царства Духа.

Кроме того, в соответствии с общей стратегией мифологизации писателей в Серебряном веке, автор-символист включил в созданный им в 1913 г. облик писателя-пророка приметы его лучших, как он считал, литературных героев — Сони Мармеладовой, Льва Мышкина, воплощавших собой высшее духовное начало. Так, «Соня была <...> блондинка, с замечательными

²⁷ Тимофеева В. В. (О. Починковская). Год работы со знаменитым писателем. (Посвящается памяти Федора Михайловича Достоевского) // Исторический вестник. 1904. Т. 95. Февраль. С. 492, 495–496.

²⁸ Александров А. А. Федор Михайлович Достоевский. (Страничка из воспоминаний) // Светоч и дневник писателя. 1913. № 1. С. 53.

голубыми глазами», «голубые глаза ее были <...> ясные», «кроткие», однако в минуты духовного подъема могли «сверкать <...> огнем» и «суровым энергическим чувством» (ДЗ0; т. 6: 143, 183, 248). У князя Мышкина глаза «были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь» (ДЗ0; т. 8: 6). У Алеши Карамазова глаза со «светлым взором» (ДЗ0; т. 14: 24). Очевидно, что приведенные цитаты соотносятся с «прозрачным и пронзительным взором бледно-голубых глаз» Достоевского в заметке Мережковского.

В то же время «как-то слишком голубые» глаза, взгляд которых был «как-то слишком тяжел и неподвижен» (ДЗ0; т. 6: 357) видим у Свидригайлова, демонического персонажа «Преступления и Наказания». Эта двойственность не должна удивлять. «Можно сказать, что в зрелые годы Мережковский преодолевал в себе <...> Достоевского. Свидетельством этого являются его незавершенная драма без названия (1910-е годы) и пьеса “Будет радость” (1914), написанные во многом “против” и вопреки Достоевскому» [Андрущенко, 2000: 485].

Более того, «Автобиографическая заметка» 1913 г. — это своего рода «Л. Толстой и Достоевский» (имеется в виду трактат 1898–1902 гг.) наоборот. В самом деле, практически в начале заметки — визит на петербургскую квартиру Достоевского в 1880 г., в конце — рассказ о поездке к Толстому в Ясную Поляну в 1904 г., причем этим событиям отведены примерно равные по величине фрагменты текста. Композиционно встречи с обоими писателями образуют контраст, переданный через впечатление от их глаз: «добры[x] и немного страшны[x], маленьки[x], медвежьи[x], “лесны[x]” глаз[ок], напоминая[x] дядю Ерошку», «тайновидца плоти» Толстого, которые противопоставлены теперь уже небесно-холодному «взору» «тайновидца духа» Достоевского. Здесь едва ли не впервые декларирована давно назревавшая у Мережковского мысль: вспоминая о своем предпочтении Достоевского в трактате «Л. Толстой и Достоевский», он сожалел о том, что в этой книге «был не совсем справедлив» к Толстому, который ему «все-таки ближе, роднее Достоевского» (Мережковский: 294).

Тем не менее, несмотря на присутствие критического ракурса, оптика на Достоевского в «Автобиографической заметке» во многом сходна с трактатом «Л. Толстой и Достоевский»: «глаза его впервые видят то, что, казалось, не позволено видеть глазам человеческим», т. е. «доходить во всем до конца, до “последней черты”, переступить за пределы» [Мережковский, 2000: 150]. И в этом — тождество с «декадентами», в чьих глазах — «выражение, которого никогда еще не было в глазах человеческих; в сердцах наших — чувство, которого никто из людей не испытывал вот уже девятнадцать веков, с тех пор, как было видение отшельнику Патмоса...» [Мережковский, 2000: 478].

И последнее. Указание на то, что юный Дмитрий застал Достоевского в его кабинете «за корректурами», также, скорее всего, «художественное

обобщение», призванное представить автора «Братьев Карамазовых» вечным тружеником, «вечным спутником» одного из трудолюбивейших и плодовитейших русских писателей рубежа XIX–XX вв. Дмитрия Сергеевича Мережковского. Нет сведений о том, что Достоевский в декабре 1880 г. вычитывал корректуры: «Братья Карамазовы» уже были изданы, завершающий выпуск «Дневника Писателя» только создавался, его корректуры появились на столе у автора лишь в январе 1881 г. Документально зафиксировано только то, что в последний месяц 1880 г. Достоевский вел переписку и делал записи в своей рабочей тетради 1880–1881 гг. (см.: [ЛЖТ: 503–523, 537]).

В заключение отметим, что приведенный в начале этой статьи фрагмент из «Автобиографической заметки» Мережковского, посвященный визиту к Достоевскому в 1880 г., содержит яркий, емкий, запоминающийся образ великого писателя и религиозного пророка, но воспринимать его как мемуарное свидетельство нужно с большой осторожностью. В первую очередь, из-за неточной памяти участника события, воссоздавшего встречу писателей с перерывом в 30 с лишним лет. Кроме того, несмотря на ряд достоверных деталей, здесь прежде всего получил развитие авторитетный в Серебряном веке художественный миф Достоевского, чья роль в русской культуре виделась Мережковскому в 1910-е гг. революционной и «реакционной» одновременно.

Список литературы

1. Андрущенко Е. А. Тайновидение Мережковского // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. С. 481–528. (Сер. «Литературные памятники».)
2. Андрущенко Е. А. Ф. М. Достоевский в творческом мире Д. С. Мережковского // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. Донецьк, 2009. Вип. XX. С. 184–190.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 572 с.
4. Богданова О. А. Миф Достоевского в поэзии Б. А. Садовского и научной прозе В. Л. Комаровича // Русская литература. 2016. № 4. С. 171–181.
5. Волгин И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки. 4-е изд. М.: АСТ: Зебра Е, 2010. 736 с.
6. [Гарэтто Э.] Из архива А. Г. Достоевской: Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова. Переписка с В. В. Розановым // Минувшее. М.; СПб., 1990. Вып. 9. С. 235–293.
7. Гиппиус З. Н. Собр. соч.: в 15 т. Т. 16 (доп.): Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 592 с.
8. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. 544 с.
9. Достоевский без глянца / сост. и предисл. П. Е. Фокина. СПб.: Пальмира, 2017. 459 с.
10. Захаров В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание: межвуз. сб. / отв. ред. И. П. Лупанова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974. С. 98–125.
11. Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 436 с.

12. Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 926 с.
13. Лавров А. В. Мережковский Д. С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 17–27.
14. Лесков А. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М.; Л.: Гослитгиздат, 1954. 684 с.
15. Лесков А. Жизнь Николая Лескова: по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 607 с.
16. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 3: 1875–1881. 616 с. — ЛЖТ
17. Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). М.: ИМЛИ РАН, 2002. Вып. 1: 1891–1900. 528 с. — ЛЛС
18. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 154 с.
19. Мережковский Д. С. Горький и Достоевский // Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг.: Тип. т-ва «Труд», 1915. С. 269–284.
20. Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 178–192.
21. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с. (Сер. «Литературные памятники».)
22. Микулич В. Встречи с писателями: Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Всеволод Гаршин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 234 с.
23. Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / публ., вступ. зам. и примеч. М. Толмачева и Ж. Шерон // Звезда. 1995. № 7. С. 158–169.
24. Сараскина Л. И. Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. 825 с.
25. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса Достоевского, или пешком вокруг Владимирского собора. СПб.: Серебряный век, 2009. 36 с.
26. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб.: Кузнечный переулок, 2012. 224 с.
27. Фридендер Г. М. Д. С. Мережковский и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 3–20.
28. Холиков А. А. Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.
29. Холиков А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.
30. Эльзон М. Д. «В литературе известен такой случай...» (Н. С. Лесков против... Д. С. Мережковского) // Русская литература. 1995. № 4. С. 156–159.

References

1. Andrushchenko E. A. The Secret Vision of Merezhkovsky. In: *Merezhkovskiy D. S. L. Tolstoy i Dostoevskiy* [*Merezhkovsky D. S. L. Tolstoy and Dostoevsky*]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 481–528. (Series “Literary Monuments”). (In Russ.)
2. Andrushchenko E. A. F. M. Dostoevsky in the Creative World of D. S. Merezhkovsky. In: *Aktual'ni problemi slov'yans'koï filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznavstvo* [*Actual Problems of Slavic Philology. Series: Linguistics and Literary Studies*]. Donetsk, 2009, issue 20, pp. 184–190. (In Russ.)

3. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 572 p. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. The Myth of Dostoevsky in Poetry of B. A. Sadovsky and the Scientific Prose by V. L. Komarovich. In: *Russkaya literatura*, 2016, no. 4, pp. 171–181. (In Russ.)
5. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski* [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]. Moscow, AST: Zebra E Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
6. Garetto E. From the Archive of Anna G. Dostoevskaya: D. S. Merezhkovsky’s and S. N. Bulgakov’s Letters. Correspondence with V. V. Rozanov. In: *Minuvshee* [The Past]. Moscow, St. Petersburg, 1990, issue 9, pp. 235–293. (In Russ.)
7. Gippius Z. N. *Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Collected Works: in 15 Vols]. Moscow, Dmitriy Sechin Publ., 2019, vol. 16. 592 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 544 p. (In Russ.)
9. *Dostoevskiy bez glyantsa* [A Non-Glossy Dostoevsky]. St. Petersburg, Pal’mira Publ., 2017. 459 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. The Concept of the Fantastic in the Aesthetics of F. M. Dostoevsky. In: *Khudozhestvennyy obraz i istoricheskoe soznanie* [An Artistic Image and Historical Consciousness]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1974, pp. 98–125. (In Russ.)
11. Zobnin Yu. V. *Dmitriy Merezhkovskiy: zhizn' i deyaniya* [Dmitry Merezhkovsky: Life and Deeds]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 436 p. (In Russ.)
12. Kumpan K. A. D. S. Merezhkovsky the Poet (at the Origins of the “New Religious Consciousness”). In: *Merezhkovskiy D. S. Stikhotvoreniya i poemy* [Merezhkovsky D. S. Verses and Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 926 p. (In Russ.)
13. Lavrov A. V. Merezhkovsky D. S. In: *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999, vol. 4, pp. 17–27. (In Russ.)
14. Leskov A. *Zhizn' Nikolaya Leskova: po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [The Life of Nikolai Leskov in His Personal, Family and Non-Family Records and Memories]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1954. 684 p. (In Russ.)
15. Leskov A. *Zhizn' Nikolaya Leskova: po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [The Life of Nikolai Leskov in His Personal, Family and Non-Family Records and Memories]. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1984, vol. 2. 607 p. (In Russ.)
16. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3. 616 p. (In Russ.)
17. *Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa XIX — nachala XX v. (1891 — oktyabr' 1917)* [Chronicle of Literary Events in Russia in the Late 19th — Early 20th Century (1891 — October 1917)]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, issue 1. 528 p. (In Russ.)
18. Merezhkovskiy D. S. *Prorok russkoy revolyutsii. K yubileyu Dostoevskogo* [The Prophet of the Russian Revolution. For Dostoevsky’s Anniversary]. St. Petersburg, M. V. Pirozhkov Publ., 1906. 154 p. (In Russ.)
19. Merezhkovskiy D. S. Gorky and Dostoevsky. In: *Merezhkovskiy D. S. Bylo i budet. Dnevnik 1910–1914* [Merezhkovsky D. S. It Was and It Will Be. Diary 1910–1914]. Petrograd, Tipografiya tovarishchestva «Trud» Publ., 1915, pp. 269–284. (In Russ.)

20. Merezhkovskiy D. S. Letters to S. Ya. Nadson. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 8, pp. 178–192. (In Russ.)
21. Merezhkovskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [*L. Tolstoy and Dostoevsky*]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 589 p. (Series “Literary Monuments”). (In Russ.)
22. Mikulich V. *Vstrechi s pisatelyami: Lev Tolstoy, Dostoevskiy, N. Leskov, Vsevolod Garshin* [*Meetings with Writers: Leo Tolstoy, Dostoevsky, N. Leskov, Vsevolod Garshin*]. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1929. 234 p. (In Russ.)
23. Letters of D. S. Merezhkovsky to A. V. Amfiteatrov. In: *Zvezda*, 1995, no. 7, pp. 158–169. (In Russ.)
24. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 825 p. (In Russ.)
25. Tikhomirov B. N. *Peterburgskie adresa Dostoevskogo, ili peshkom vokrug Vladimirskogo sobora* [*Dostoevsky's St. Petersburg Addresses, or Walking Around the Vladimir Cathedral*]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2009. 36 p. (In Russ.)
26. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [*Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People*]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)
27. Fridlender G. M. D. S. Merezhkovsky and Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 3–20. (In Russ.)
28. Kholikov A. A. *Dmitriy Merezhkovskiy. Iz zhizni do emigratsii: 1865–1919* [*Dmitry Merezhkovsky. From Life Before Emigration: 1865–1919*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2010. 152 p. (In Russ.)
29. Kholikov A. A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochineniy Dmitriya Merezhkovskogo: Tekstologiya, istoriya literatury, poetika* [*Dmitry Merezhkovsky's Lifetime Complete Works: Textual Criticism, Literary History, Poetics*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)
30. El'zon M. D. “Such a Case is Known in the Literature...” (N. S. Leskov Against... D. S. Merezhkovsky). In: *Russkaya literatura*, 1995, no. 4, pp. 156–159. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Olga A. Bogdanova, PhD (Philology), Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2022

Принята к публикации / Accepted 05.03.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022